f21 3/87

истемпель

100

А21 3/87

М. М. Богословскій.

ТРИ ВѢКА ЦАРСТВОВАНІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1913.

М. М. Богословскій.

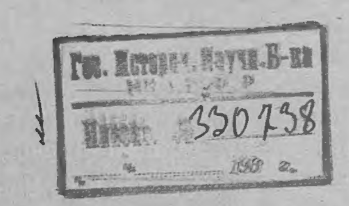
А21 3/87
71

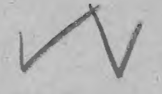
ТРИ ВѢКА ЦАРСТВОВАНІЯ
ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1913.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Три вѣка царствованія дома Романовыхъ.

Мм. Гг.!

Мы собрались сегодня праздновать трехсотлѣтній юбилей царствующей династіи. Юбилеи какъ лицъ, такъ и учрежденій необходимо вызываютъ потребность въ біографическихъ справкахъ или историческихъ воспоминаніяхъ. Но предаться историческимъ воспоминаніямъ по поводу трехсотлѣтняго царствованія династіи — не значитъ ли это припомнить весь ходъ нашей исторіи за послѣдніе три вѣка? Возможна ли эта задача въ предѣлахъ отведеннаго намъ небольшого времени? Ея разрѣшенію посвящены вышедшія за послѣднее время объемистыя юбилейныя изданія, плоды коллективнаго труда нашихъ выдающихся историковъ. Но все же я не хотѣлъ бы отказаться отъ невольно возникающихъ сегодня историческихъ воспоминаній. Я и попытаюсь оглянуться на наше трехсотлѣтнее прошлое и окинуть хотя бы бѣглымъ взглядомъ три минувшіе вѣка нашей исторіи.

Дѣленіе историческаго процесса на столѣтія искусственно и условно; но наше сознаніе, которое не можетъ равномѣрно постигать весь ходъ процесса и которое, работая порывистыми движеніями, останавливается только на отдѣльныхъ его моментахъ, до такой степени съ этимъ дѣленіемъ свыклось, что съ каждымъ столѣтіемъ у насъ связана група особыхъ только этому вѣку свойственныхъ признаковъ, воспоминаній и представленій. Эти воспоминанія, эти образы тотчасъ же возникаютъ у насъ, какъ только мы заговоримъ о томъ или другомъ вѣкѣ. Я приглашаю васъ мысленно перенестись въ Московское государство XVII вѣка. Войдемте въ его средоточіе — Москву и въ средоточіе самой Москвы — Кремль. Здѣсь въ близкомъ и тѣсномъ сосѣдствѣ съ великими русскими святынями насъ поразитъ громадное, оригинальное зданіе, состоящее изъ разной величины каменныхъ палатъ и деревянныхъ избъ, большихъ и малыхъ пристроекъ и надстроекъ, съ причудливо расположившимися теремами, затѣйливыми башенками, съ золочеными куполами многочисленныхъ церквей. Это — дворецъ московскихъ государей, строеніе или вѣрнѣе совокупность строеній, нароставшихъ въ теченіе столѣтій параллельно съ тѣмъ, какъ московскій удѣльный князь становился великимъ княземъ московскимъ, государемъ всея Руси. Такъ же, какъ дворецъ московскаго государя, росла и сама Москва съ ея Китаемъ, Бѣлымъ и Землянымъ городами, съ ея посадами, сотнями и слободами, нароставшими вокругъ ея сердцевины — Кремля. Тѣмъ же процессомъ создавалось изъ разновременно включае-

мыхъ частей и все Московское государство, собравшее вокругъ Москвы прежнія великія и удѣльныя княжества, вольные города съ ихъ землями и татарскія царства. Этотъ процессъ собиранія Руси не прерывается и въ XVII вѣкѣ. Старая династія Рюриковичей сошла съ историческаго поприща, покончивъ первую часть дѣла, собравъ всю Великую Русь. Династія Романовыхъ продолжаетъ начатое и собираетъ подъ своимъ скипетромъ и остальныя части Руси: Малую и Бѣлую.

Однако весь этотъ сложенный изъ частей политическій составъ не слитъ еще въ единое и нераздѣльное органическое цѣлое, и длинный царскій титулъ XVII в. съ перечисленіемъ «всѣхъ государствъ Россійскаго царствія», какъ тогда назывались отдѣльныя части русской земли, представляетъ собою частію воспоминаніе очень недалекаго прошлаго, а частію формулу живой дѣйствительности. Силой, связующей эти сростающіяся части, является власть московскаго государя. Царь XVII вѣка — живое воплощеніе отвлеченной идеи государства; понятія государя и государства слиты въ мышленіи людей того времени, когда государево дѣло не различается отъ государственнаго. Въ лицѣ пестрой массы представителей отъ дробныхъ чиновъ на земскомъ соборѣ собирается вокругъ государя вся земля. Московскій государь для всѣхъ не совсѣмъ спаявшихся еще частей русской земли одинаково высокая и пріемлемая вершина: и для выростившаго московскую власть великорусскаго племени, и для незабывшаго, можетъ-быть, еще свободолюбивыхъ преданій новгородца, и для привыкшаго къ ханскому деспотизму татарина Казанскаго и Астраханскаго царствъ, и для живописной массы инородцевъ Европейской Россіи и Сибири, и для вольнаго донского казака, и для властнаго малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, просившаго государя принять войско «подъ свою высокую руку!». Твердая политическая скрѣпа единства русской земли — власть московскаго государя XVII вѣка скрѣпляетъ и внутреннія объединяющія общество связи. Эта власть спокойно высится надъ взбаламученнымъ моремъ разнообразныхъ, переплетающихся, сходящихся и расходящихся, сталкивающихся и спорящихъ гражданскихъ интересовъ, примиряетъ ихъ столкновенія и разрѣшаетъ ихъ споры. Когда московскій государь въ знакахъ своего достоинства, въ шапкѣ Мономаха, въ облаченіи, напоминающемъ церковное, поддерживаемый боярами при торжественномъ звонѣ кремлевскихъ колоколовъ, спускаясь съ Краснаго крыльца, шествуетъ въ одинъ изъ соборовъ, къ нему протягиваются безчисленныя руки съ челобитными, въ которыхъ несутъ къ государю свое наболѣвшее горе люди всякихъ чиновъ: община черносошныхъ поморскихъ сѣверныхъ крестьянъ, посадскіе торговопромышленные люди, келарь крупнаго монастыря или старецъ пустынножитель, холопъ и крѣпостной крестьянинъ изъ боярской вотчины московскаго центра, видный помѣщикъ — столбовой дворянинъ московскій и мелкій служилый человѣкъ, обзаводящійся хозяйствомъ на черноземѣ южно-русскаго «дикаго поля». Милостивая резолюція, начинающаяся словами: «Государь пожаловалъ»,

помѣчаемая дьякомъ на челобитной по прочтеніи ея государю — смягчаетъ остроту борьбы всѣхъ этихъ перечисленныхъ соціальныхъ силъ Московскаго государства XVII вѣка.

Избраніе государя, земскій соборъ, избирающій государя и участвующій съ нимъ въ государственномъ строительствѣ, «запись», если вѣрить Котошихину, данная боярству Михаиломъ Романовымъ въ томъ, что онъ будетъ «нежестокимъ и непальчивымъ» — все это новыя политическія идеи, вынесенныя XVII вѣкомъ изъ пережитыхъ событій смутнаго времени. Но въ строѣ Московскаго государства этого вѣка сквозь кругъ новыхъ, широкихъ политическихъ идей, ясно сквозятъ давнія черты удѣльной старины, и на ряду съ новыми взглядами живутъ древніе политическіе привычки и порядки, раздваивающіе иногда и самые политическіе взгляды. Михаилъ Романовъ не только государь, избранный народомъ, но и законный наслѣдникъ своей *отчины* отъ своихъ прародителей, отъ царя Ивана Васильевича Грознаго по его супругѣ Анастасіи Романовнѣ. Избирательная монархія XVII вѣка все еще также и вотчина московскихъ государей, и о такомъ характерѣ ихъ государства наглядно говоритъ ихъ дворецъ, подобно громадной усадьбѣ, окруженный хозяйственными службами разнаго рода: казенными, житными, конюшенными, хлѣбенными, сытенными дворами и мастерскими палатами съ громаднымъ штатомъ дворцовыхъ слугъ и ремесленниковъ, населяющихъ раскинувшіяся вокругъ дворца московскія дворцовыя слободы. Московское государство не знаетъ еще государственныхъ учрежденій. Управленіе ведется лично посредствомъ личныхъ порученій по хозяйству — приказовъ. Это свойство управленія отражается и во внѣшнихъ его формахъ. Всѣ правительственные акты пишутся отъ имени государя, всѣ бумаги, направляющіяся кверху адресуются на имя самого государя. Государь лично входитъ нерѣдко въ мельчайшія детали того или другого, даже незначительнаго дѣла.

Но вообще XVII вѣкъ это вѣкъ государей, которые болѣе царствуютъ, чѣмъ управляютъ. Это вѣкъ царя Михаила, избраннаго на престолъ въ шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, на первыхъ порахъ опиравшагося на почти непрерывно засѣдавшіе въ началѣ его царствованія земскіе соборы, а затѣмъ руководимаго твердой и властной волей отца «великаго государя святѣйшаго патріарха», человѣка, вынесшаго большой запасъ опыта изъ полной превратностей и злоключеній пережитой жизни. Это — время царя Алексѣя, который также занялъ престолъ въ юныхъ годахъ и при которомъ въ теченіе всего царствованія состоитъ вліятельный, направляющій дѣла совѣтникъ: Б. И. Морозовъ, патріархъ Никонъ, Ординъ-Нащокинъ, А. С. Матвѣевъ. Это, наконецъ, время малолѣтняго и слабаго здоровьемъ царя Ѳедора Алексѣевича.

Изъ этихъ трехъ государей дома Романовыхъ XVII столѣтіе запечатлѣлось съ какою-то особенной полнотой въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. И въ самомъ его обликѣ, въ его чисто великорусскомъ лицѣ, въ привѣтливомъ взорѣ его большихъ добрыхъ голубыхъ глазъ и во всемъ

обиходѣ его жизни: въ долгихъ уединенныхъ молитвахъ въ крестовой церкви, въ усердныхъ богомольяхъ по монастырямъ, во внимательномъ сидѣніи съ боярами «о дѣлѣхъ» и въ радушныхъ его пирахъ съ тѣми же боярами, напоминавшихъ былинные пиры кіевскаго князя Владиміра, и въ необыкновенно ласковомъ и участливомъ отношеніи къ другимъ людямъ, въ особенности къ горю другихъ людей — выразились лучшія черты древне-русской жизни. Рѣдко кто, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, умѣлъ чувствовать и цѣнить эту прелесть окружающаго его родного: созерцать тихій великорусскій пейзажъ окрестностей села Коломенскаго или Савина монастыря, утѣшаться «красносмотрительнымъ», по его собственному выраженію, полетомъ соколовъ на любимой имъ птичьей охотѣ, строго наблюдать чинъ церковнаго богослуженія по уставу, заботиться о великолѣпіи пышнаго дворцоваго церемоніала, любоваться своеобразнымъ зрѣлищемъ ратнаго строя. Рѣдко кто, какъ онъ, умѣлъ проявить мягкость русской души, христіанской души по преимуществу и выразить ее простымъ и понятнымъ ей добрымъ дѣломъ: посѣщеніемъ заключенныхъ «несчастныхъ» въ тюрьмахъ и безхитростнымъ подаяніемъ милостыни просящей протянутой рукѣ. Въ немъ эта уходившая съ XVII вѣкомъ въ прошлое древняя Русь, эта русская Русь, какъ-будто блеснула своей привѣтливой прощальной красотою! Царь глубоко любилъ родное и былъ привязанъ къ нему, но въ эту любовь онъ умѣлъ внести широкій взглядъ на вещи. Ему пришлось выслушать горькій и рѣзкій протестъ части современнаго ему общества за посягательство на старину. Будь это прикосновеніе къ старинѣ болѣе продуманнымъ и осторожнымъ, и протестъ не былъ бы столь рѣзкимъ. Лучшее русское общество XVII вѣка, откуда выходили Ртищевы, Ордины-Нащокины, Матвѣевы — люди того же направленія, какъ и царь Алексѣй, умѣли соединять любовь къ національному съ уваженіемъ къ успѣхамъ чужеземнаго знанія и техники и съ стремленіемъ совершенствовать родное при помощи чужеземнаго. Эти люди выражали собою истинное настроеніе вѣка. Начавшійся подъемомъ національнаго чувства въ 1612—1613 годахъ, XVII вѣкъ былъ вѣкомъ національнзма, въ томъ высокомъ и единственномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ его только и можно понимать. Подъ національнзмомъ я разумѣю любовь къ лучшимъ свойствамъ своего народа и стремленіе развивать и совершенствовать эти свойства. Такой національнзмъ идетъ рука объ руку съ уваженіемъ къ благороднымъ сторонамъ чужой жизни.

XVIII вѣкъ вызываетъ въ нашемъ представленіи новые образы. Когда заходитъ рѣчь о XVIII вѣкѣ на Западѣ, въ Европѣ, намъ невольно рисуется версальскій дворъ «короля-солнца», золотая толпа придворныхъ, изысканныя манеры, глубокіе поклоны и реверансы, церемонные менуэты; салонъ, гдѣ искрятся остроты философовъ, гдѣ слышатся рѣчи о естественныхъ правахъ человѣка, о просвѣщеніи и свободѣ, гдѣ покланяются разуму и ненавидятъ суевѣріе, гдѣ поучаются у Монтескье, смѣются бодрымъ и здоровымъ смѣхомъ, читая страницы Вольтера и проливаютъ чувствитель-

ныя слезы надъ героинями Руссо, гдѣ льются звуки ясной, какъ мысли философовъ этого вѣка, музыки Моцарта и Гайдна, гдѣ высказываются бодрые и свѣтлые взгляды на будущее, гдѣ возникаютъ идеи свободы и равенства у мыслителей, идиллическія мечты о братствѣ людей у поэтовъ, гдѣ у просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей зарождаются смѣлыя попытки перестроить всю общественную жизнь по философскимъ аксіомамъ. Когда заходитъ рѣчь о XVIII вѣкѣ въ Россіи, тотчасъ же всплываютъ представленія о престолѣ, занятомъ въ теченіе 67 лѣтъ изъ ста женщинами—императрицами, о столицахъ съ дворцами, выстроенными Растрелли, объ отражающихъ вкусы европейской жизни въ русской провинціальной глуши дворянскихъ усадьбахъ съ фронтонами и колоннами, въ которыхъ начинаетъ появляться обитатель новаго типа. Сынъ Петровскаго гардемарина, противъ воли еще ѣздившаго за границу изучать навигацкую науку, онъ выросъ теперь въ поклонника Вольтера и друга просвѣщенія; на полкѣ его библіотеки стоитъ Энциклопедія, а его жена и дочери зачитываются, проливая слезы, романами Руссо. Всего болѣе, однако, XVIII вѣкъ въ Россіи есть вѣкъ Петра Великаго и Екатерины II. Если государи XVII вѣка болѣе царствовали, чѣмъ управляли, то оба эти государя, наполнившіе своими дѣлами XVIII вѣкъ, развили широчайшую собственную иниціативу. И въ обстоятельствахъ, среди которыхъ обоимъ пришлось дѣйствовать, и въ ихъ дѣлѣ, и въ самыхъ ихъ характерахъ много различій. Петръ началъ царствовать совсѣмъ неподготовленнымъ. Онъ получилъ первоначальное образованіе на улицѣ села Преображенскаго и въ Нѣмецкой слободѣ и заканчивалъ его бѣглымъ обзоромъ европейскихъ заводовъ, фабрикъ и музеевъ. Екатерина путемъ настойчиваго и упорнаго самообразованія прошла солидную предварительную подготовку и развила свое мышленіе настолько, что могла держать себя на равной ногѣ съ наиболѣе выдающимися умами вѣка. Петръ начиналъ прямо съ практики и только къ концу дней сталъ подходить къ теоріи. Онъ началъ съ мастерской и только затѣмъ сталъ заглядывать, да и то урывками, въ книгу. Екатерина долгіе годы провела надъ книгой и въ размышленіяхъ надъ прочитаннымъ. Петръ во многихъ случаяхъ по быстротѣ, рѣшительности и горячности своего темперамента, приступалъ къ дѣлу, не обдумавъ его во всѣхъ подробностяхъ. Екатерина всегда много готовилась и никогда не дѣйствовала необдуманно. Реформа Петра началась съ малыхъ вещей, съ обрѣзыванія бородъ и долгополаго платья; она шла безъ системы, безъ опредѣленнаго плана. Но она была шире въ концѣ, чѣмъ въ началѣ. Она разрослась въ обширный, всеобъемлющій процессъ, захватившій всѣ стороны русской жизни. Екатерина начала сразу съ очень широкой мѣры: съ созыва представительнаго собранія, при помощи котораго она хотѣла перестроить всѣ стороны жизни совершенно новымъ законодательствомъ, основаннымъ на началахъ Разума и Просвѣщенія, но ея преобразованія коснулись на практикѣ лишь немногаго изъ того, что было намѣчено. Петръ поступалъ,

какъ строитель, который началъ постройку съ крутой и безпощадной ломки стараго, но у котораго не было заранѣе составленнаго чертежа для новыхъ зданій; планы ихъ носились передъ нимъ смутно. Намѣренія Екатерины отливались въ ясныя формы и находили себѣ выраженіе въ стройно обработанномъ, иногда даже слишкомъ симметрично расположенномъ предварительномъ планѣ. Реформа Петра касалась болѣе внѣшности, обстановки и техники. Екатерина въ своей правительственной дѣятельности старалась проникать глубже, воздѣйствовать на идеи и убѣжденія. Петръ своими указами говорилъ подданнымъ объ ихъ обязанностяхъ къ государству. Законодательство Екатерины имѣло своею цѣлью дарованіе подданнымъ правъ. Требуя отъ подданнаго безусловной жертвы жизнью и имуществомъ для государства, петровскій суровый указъ отражалъ на себѣ всѣ черты нетерпѣливаго и самовластнаго характера государя. Екатерина дѣйствовала мягкими пріемами, поражая и привлекая подданныхъ широтою своихъ идей и взглядовъ. Петръ работалъ, какъ кузнецъ, въ дымной мастерской тяжелыми ударами молота перековывалъ русскаго человѣка, сообщая ему европейскій закалъ и выправку. Екатерина перевоспитывала русское общество въ изящномъ салонѣ при помощи философіи, которая сообщала сердцамъ чувствительность, а умамъ возвышенныя идеи. При всѣхъ этихъ различіяхъ и въ обѣихъ эпохахъ, и въ самихъ двухъ великихъ государяхъ XVIII вѣка, найдемъ въ нихъ не мало общаго. И Петръ, и Екатерина чутко понимали основныя интересы русскаго народа и руководились ими въ своей политикѣ. Петръ осуществилъ вѣковое стремленіе Россіи къ берегамъ сѣвернаго Балтійскаго моря и разрѣшилъ задачу, поставленную на очередь еще царемъ Иваномъ Грознымъ. Екатерина достигла цѣли, намѣченной еще русскими дипломатами XV вѣка: собрала исконныя русскія земли съ православнымъ населеніемъ и осуществила другое вѣковое стремленіе русскаго народа къ берегамъ южнаго, Чернаго моря и также разрѣшила задачу, поставленную на очередь еще въ XVI вѣкѣ. Оба государя, дѣятели вѣка просвѣщеннаго абсолютизма, одинаково были поклонниками Разума, оба руководились имъ, какъ началомъ своей дѣятельности. «Самодержавною рукой онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье», сказалъ поэтъ о Петрѣ. До конца своихъ дней Петръ остался вѣренъ девизу, избранному имъ въ юности и вырѣзанному на печати, которою онъ запечатывалъ письма изъ своего перваго заграничнаго путешествія: «Азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую». Никогда не переставая учиться самъ, онъ смотритъ на себя, какъ на учителя своего народа: «нашъ народъ», пишетъ онъ въ одномъ изъ указовъ, «яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ». Екатерина въ Наказѣ собраннымъ ею для законодательства народнымъ представителямъ помѣщаетъ золотыя слова: «Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми» (245.) Отъ своей дѣятельности учителя Петръ восхо-

дилъ до понятія о высокой обязанности жертвовать жизнью за свой народъ, что и выразилъ въ словахъ: «Я за свое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю». Но ту же мысль проводитъ и Екатерина, когда пишетъ въ Наказѣ о томъ, что «ласкатели по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа» (520). Это единство основныхъ взглядовъ, это общее стремленіе къ одной и той же цѣли было причиной того глубокаго уваженія, какое питала Екатерина къ своему геніальному предшественнику, которому воздвигла памятникъ изъ бронзы и гранита, лучшее произведеніе искусства въ этомъ родѣ.

Просвѣщеніе — лозунгъ XVIII вѣка. Къ нему направлены политика государей и помыслы лучшихъ русскихъ людей. Петръ покрываетъ Россію цѣлою сѣтью свѣтскихъ и духовныхъ училищъ. Екатерина I основываетъ Академію Наукъ, Анна учреждаетъ Шляхетскій кадетскій корпусъ, Елизавета Петровна — и вѣчная ей благодарность за этотъ ея актъ — подписываетъ указъ объ основаніи Московскаго университета. Екатерина II пытается путемъ школы создать новую породу гуманныхъ и просвѣщенныхъ людей и продолжаетъ дѣло Петра Великаго, вырабатывая планъ провинціальныхъ училищъ. XVIII вѣкъ создаетъ Ломоносова, вмѣщавшаго въ себѣ, кажется, весь циклъ современнаго ему научнаго знанія и своими геніальными предвидѣніями на много опережавшаго свое время. Просвѣщеніе — основная идея литературы XVIII вѣка; о немъ твердятъ сатиры Кантеміра, комедіи Фонъ-Визина и оды Ломоносова, привѣтствующаго успѣхи русскаго просвѣщенія и выражающаго радость по тому поводу, «что можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ Россійская земля рождать.»

XIX вѣкъ — вѣкъ пара и электричества, броненосцевъ и скорострѣльныхъ пушекъ, заводовъ и фабрикъ, дымомъ безчисленныхъ трубъ застилающихъ свѣтъ солнца для скученнаго въ громадныхъ городахъ населенія, вѣкъ гигантскихъ машинъ, грохотомъ и лязгомъ заглушающихъ вольную пѣснь природы, вѣкъ позитивнаго знанія, статистики и политической экономіи и острой борьбы труда съ капиталомъ — этотъ вѣкъ начинается въ Россіи благороднымъ порывомъ молодого государя къ законности и праву. «Законъ — залогъ блаженства всѣхъ и каждаго» — такія слова приказываетъ Александръ I отчеканить на медали, выбитой въ память его коронаціи. «Всѣ другія мѣры», пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ, «могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ навѣки». Воодушевленіе государя не остается безъ отклика въ народной массѣ, изъ глубины которой выходитъ ревностный помощникъ ему въ стремленіи къ законности — Сперанскій. Однако на пути къ закону Александръ I встрѣтилъ чудовище, грузно лежавшее поперекъ дороги и преграждавшее всякую возможность движенія впередъ — чудовище, которому имя было «крѣпостное право». Какъ можно было говорить о торжествѣ закона, когда милліоны рус-

скаго народа были лишены самаго элементарнаго человѣческаго права! Крѣпостное право возмущало Екатерину II въ началѣ ея царствованія. Первая стрѣла въ него была пущена императоромъ Павломъ въ его указѣ о трехдневной барщинѣ. Другъ свободы и равенства Александръ мечталъ объ уничтоженіи этого зла, далъ крѣпостнымъ возможность выхода въ вольные хлѣбопашцы и освободилъ остзейскихъ крестьянъ, но идея возстановленія права европейскихъ народовъ, попраннаго революціей и освобожденія ихъ отъ ига Наполеона отвлекла его отъ идеи освобожденія собственнаго народа и всецѣло овладѣла имъ. Идеалистическіе порывы Александра I Николай I воплощалъ въ конкретныя осязательныя формы, воздвигая монументальное зданіе Свода законовъ. Но въ противоположность другимъ его фундаментальнымъ и прочнымъ постройкамъ, служащимъ памятниками его царствованія и прямолинейностью своихъ очертаній какъ бы отражавшимъ прямоту взглядовъ строителя, это колоссальное зданіе — Сводъ законовъ — было въ зыбкой трясинѣ крѣпостного права лишено устойчиваго основанія. Законъ и рабство несовмѣстимы. Гнойною почвою рабства питается и въ его удушливой атмосферѣ держится произволъ. Единственной опорой закона служитъ воля свободнаго человѣка. Хорошо выяснена новѣйшими историческими трудами душевная драма, пережитая Александромъ I. Но не раскрытой пока остается, можетъ-быть, еще гораздо болѣе глубокая трагедія, которую пришлось пережить Николаю. Освободивъ въ первые годы царствованія отъ турецкаго ига единовѣрную Грецію, Николай Павловичъ вознамѣрился положить конецъ рабству и въ собственной странѣ. «Крѣпостное право въ настоящемъ положеніи оставаться болѣе не можетъ», категорически заявилъ онъ своему сотруднику, своему «начальнику штаба» въ предстоящей войнѣ съ крѣпостнымъ правомъ — Киселеву. Но этотъ государь, весь закованный въ сталь, весь какъ бы вылитый изъ стали, привыкшій, чтобы къ его металлически-звонкому повелительному голосу почтительно прислушивалась вся Европа — оказался по гамлетовски безсиленъ передъ поставленной себѣ цѣлью, и нетрудно понять, чего ему стоило, ему — строгому и взыскательному командиру, произнести подъ громъ севастопольской канонады послѣднія предсмертныя слова, обращенныя къ наслѣднику престола Александру Николаевичу: «Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ бы желалъ». Только третьему изъ императоровъ XIX вѣка Царю-Освободителю удалось, призвавъ къ содѣйствію лучшія силы русскаго дворянства: Самариныхъ, Милютиныхъ, Черкасскихъ, Семеновыхъ и др. разрубить связывавшій Россію узелъ. Великимъ актомъ 19 февраля 1861 г. вѣковая преграда была снесена, и русская жизнь вырвалась въ широкое русло свободнаго развитія. 20 милліоновъ рабовъ стали гражданами. Освободительная волна вышла изъ русскихъ береговъ, и XIX вѣкъ заканчивался тѣми же стремленіями къ свободѣ, какими и начинался. Уничтоживъ рабство въ Россіи взмахомъ своего пера, Царь-Освободитель, поддержанный велико-

душнымъ братскимъ подвигомъ народа, остріемъ меча разбилъ оковы турецкаго ига, въ которыхъ томилось православное балканское славянство. Право и свобода — вотъ идеалы, вдохновлявшіе людей XIX вѣка. Распространяя полноту гражданскихъ правъ на всѣ классы русскаго народа, учреждая всесословную школу, уравнивая всѣ сословія въ почетномъ, но тяжеломъ бремени государственной обороны, Александръ II привлекъ все русское общество къ участію въ государственной работѣ на мѣстахъ: въ отправленіи правосудія на новыхъ, разумныхъ началахъ, въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, имѣющемъ цѣлью устройство мѣстной жизни. Годы царствованія императора Александра III, протекшіе подъ оливковой вѣтвью глубокаго мира, высоко подняли внѣшній престижъ Россіи. Послѣдовательнымъ завершеніемъ «великихъ реформъ» Царя-Освободителя, логически съ ними связаннымъ, было преобразованіе государственнаго устройства, совершенное нынѣ царствующимъ императоромъ Николаемъ II, призвавшимъ русскій народъ къ работѣ на государственныхъ верхахъ, къ участію въ законодательствѣ и въ дѣлѣ высшаго управленія. Пусть же въ окруженіи народнаго представительства русская Корона сіяетъ еще болѣе яркимъ и сильнымъ блескомъ!

Празднованія юбилеевъ сопровождаются пожеланіями. Непрерывность древней династіи — большое счастье для страны. Горькій историческій опытъ показалъ намъ, какую разруху, какую смуту и распадъ вызвало пресѣченіе дома Рюриковичей. Непрерывная династія скрѣпляетъ отдѣльныя части государственнаго строенія, связуя ихъ въ единое политическое цѣлое. Среди измѣнчивыхъ явленій жизни она является прочнымъ устоемъ, поддерживающимъ непрерывность историческаго преданія. Мѣняются самыя государственныя формы. Вотчина московскихъ государей XVII вѣка уступаетъ мѣсто просвѣщенному абсолютизму XVIII столѣтія; за просвѣщеннымъ абсолютизмомъ идетъ представительный строй, основанный на началахъ права. Въ династіи смѣна идей и формъ, возникающихъ и исчезающихъ, какъ явленія времени, опирается на преданіе Дома. Оплотъ территоріальнаго государственнаго единства, сильная исторической традиціей династія, связуя смѣняющіяся поколѣнія, служитъ оплотомъ государственнаго единства и во времени, знаменіемъ непрерывности государства. Пусть же крѣпнетъ единая и нераздѣльная Русь подъ руководительствомъ государей изъ древняго дома Романовыхъ. Настанутъ другія времена, будутъ провозглашены другіе, невѣдомые намъ теперь принципы и идеалы. Но пусть великая и мощная Россія, вступая въ даль грядущихъ столѣтій, сохранитъ и лучшіе завѣты отошедшихъ въ минувшее вѣковъ: горячее національное чувство, какимъ бились русскія сердца при избраніи царя Михаила въ XVII вѣкѣ, любовь къ свѣту просвѣщенія, проявленную XVIII вѣкомъ, стремленіе къ торжеству закона и права, которымъ воодушевлялись лучшія силы XIX столѣтія!

М. Богословскій.

БОГОСЛОВСКІЙ М.М. ТРИ ВѢКА ЦАРСТВОВАНІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ